

А.А. Степанов

ПРОБЛЕМА АВТОРИТЕТА В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Томский государственный педагогический университет

Проблема авторитета в научном познании была поставлена одновременно с рождением новой эмпирической науки. Ф. Бэкон отнес авторитет к ряду «идолов» или «призраков», которые есть различного рода предрассудки и предрасположения. Вера в авторитеты, по его мнению, мешает людям самим без предубеждений исследовать природу [1, с. 26-32]. Почти все философы эпохи Просвещения придерживались такого же мнения. Столь негативная оценка авторитета была вызвана в основном тем, что вся наука средних веков основывалась на авторитете Аристотеля, и для создания новой науки его было необходимо преодолеть. Собственно, в культурно-исторической перспективе необходимо было преодолеть не только авторитет Аристотеля, но авторитет вообще. Так, например, для протестантизма было важно преодоление авторитета Папы Римского, как наместника Бога на Земле, и авторитет многих «отцов-основателей» Римско-католической церкви.

Но уже первые шаги новой науки показали, что на месте старых авторитетов стали возникать новые. И, в первую очередь, авторитетами становились наиболее последовательные опровергатели авторитета Аристотеля и авторитета вообще. Даже в научных работах медиков XVII в. непрерывно цитировались высказывания и положения Галилея, Декарта, Бэкона, Лейбница и др. [2, с. 391]. Постепенно происходила переоценка роли авторитета в научном познании: от крайне негативных оценок до нейтральных, и от нейтральных оценок до самых положительных. Примером нейтральной оценки может послужить высказывание Гегеля: «Следовать собственному убеждению, конечно, лучше, чем полагаться на авторитет: но превращение мнения, основанного на авторитете, в мнение, основанное на собственном убеждении, не обязательно приводит к изменению содержания его и к замене заблуждения истиной. Придерживаются ли системы мнений и предрассудков потому, что полагаются на авторитет других, или потому, что исходят из собственного убеждения, - разница здесь лишь в тщеславии, присущем последнему способу» [3, с. 44]. В качестве примера одной из самых положительных оценок можно процитировать А.Н. Антонова: «В чем же особенность научного авторитета, без которого, безусловно, невозможно развитие науки? Подобно административной норме, он задает образец для действия, однако в нем действие не

запрограммировано жестко, научный авторитет оставляет простор для мыслей и действий, что полностью отсутствует в командно-административной системе. А самое главное - он вдохновляет на творчество, вселяет уверенность в успех исследования, в том случае, конечно, если он базируется на действительном таланте ученого. Отсюда понятно, какой эффект может дать положение, когда институтом, сектором руководит действительно крупный ученый, пользующийся реальным научным авторитетом у своих сотрудников» [4, с. 77].

Проблему авторитета в научном познании затрагивали многие исследователи в области гносеологии, методологии и философии науки, но делалось это обычно попутно и вскользь. В нашей стране бурное изучение авторитета приходится на конец 60-х и начало 70-х гг. В это время появляется целый ряд диссертационных работ по проблеме авторитета [5], но даже в это время не было издано ни одной фундаментальной монографии, посвященной целиком только этой проблеме. Появление значительного числа диссертационных работ в указанный период связано, скорее всего, с теми же причинами, по которым на это же время приходится пик популярности кибернетики в Советском Союзе. Дело в том, что в это время приходит разочарование в возможности рационального централизованного планирования и управления экономикой. Это разочарование можно проиллюстрировать словами академика В.М. Глушкова, заявившего, что «если все будет развиваться таким же образом, то скоро все советское трудоспособное население будет занято в процессе планирования и руководства» [цит. по 6, с. 267]. С точки зрения классической рациональности, трудности централизованного планирования и руководства лежали «либо в неадекватности власти, либо в недостаточном знании в центре местных условий и необходимых экономических законов для изменения этих условий» [6, с. 269]. Исправить вторую трудность рационального планирования надеялись при помощи кибернетики, которую даже сами ее создатели полагали как общую теорию процессов управления. Первая причина трудностей централизованного рационального планирования и управления (неадекватность и некомпетентность власти) вызвала реакцию изучения авторитета, как наиболее компетентной формы власти, но, в отличие от проблем кибернетики, эта тематика осталась мало известной для широких кругов общественности.

Фрагментарность обращения к проблеме авторитета со стороны большинства представителей гносеологии, методологии и философии наук, по-видимому, происходила, да и происходит из-за того, что хотя авторитет и фиксируется как эмпирический феномен, сопровождающий процесс познания на всем его протяжении, но мало кто усматривает в нем сущностный элемент научного познания. Классическая гносеология всегда стремилась найти объективные основы познания, даже если они и относились непосредственно к субъекту познания. Хотя в отечественной гносеологии и теории познания постоянно подчеркивался социальный характер познания, но при анализе субъекта и процесса познания основное внимание уделялось отражательным способностям человека, эмпирическим или рациональным, и очень мало - межсубъектным связям в процессе познания; влиянию на процесс познания багажа старого и готового знания; способам социальной организации познания и т. д. Все эти вопросы были отданы на откуп либо социологии науки, либо когнитивной психологии, либо другим достаточно узким дисциплинам. Поэтому появляется все большая потребность в ассимиляции знания, полученного этими науками в гносеологии и философии науки. В то же время необходимо отметить, что в отношении авторитета речь не идет о простой ассимиляции готового знания из узкоспециализированных научных дисциплин. Понятие «авторитет» чаще всего отсутствует в категориальной сетке этих наук и происходит это, с нашей точки зрения, из-за предметной узости названных научных дисциплин. Даже в философии принято исследовать науку с различных предметных ракурсов: как форму общественного сознания, как социальный институт, как совокупность определенных методов и т. д. Известно, что акцент на изучении отдельных элементов или подсистем может привести к игнорированию важнейших характеристик системы как целого, так как эти характеристики и параметры не являются свойствами отдельных частей целостной системы.

В XX в. появился целый комплекс дисциплин, сделавших науку объектом своего анализа. Это история, социология, психология, экономика науки и целый ряд других науковедческих дисциплин. Некоторые исследователи, например, Н.А. Князев [7], склонны видеть в этих дисциплинах своеобразные рефлексивные образования науки. С нашей точки зрения, это не совсем верно. Действительно, рефлексия неотделима от научной деятельности [см., например, [8, с. 153-178]]. Существует она и в дисциплинах, изучающих науку, но по поводу именно своей научной деятельности, своих специфических методов и подходов, направленных на изучение такого объекта, как наука, но это не рефлексия по поводу науки в целом. Настало время признать, что наука стала не просто производительной силой общества, не просто социальным институтом и т. д.,

но и особым миром, объективной реальностью, порожденной общественным развитием. Собственно этот новый мир и стал объектом изучения различных отраслей науки, с различных точек зрения и с различной предметной направленностью. Специфичность и относительная автономность предметов исследования дисциплин, изучающих науку, стала основанием для утверждения, что науковедение - не особая научная дисциплина, а «формирующийся класс наук» [9, с. 84]. С нашей точки зрения, социология науки по предмету ближе дивантной социологии, а психология науки по предмету - психологии личности, чем эти две дисциплины, изучающие один и тот же объект, друг к другу. Изучение науки как особого мира социологией науки, психологией научного творчества, экономикой науки и другими дисциплинами более обогащает наше представление о социальном, психическом, экономическом и т. д., чем о науке в целом. Как пишет М. Вертгеймер, «существуют связи, при которых то, что происходит в целом, не выводится из элементов, существующих якобы в виде отдельных кусков, связываемых потом вместе, а, напротив, то, что появляется в отдельной части этого целого, определяется внутренним структурным законом всего этого целого» [10, с. 86].

Как уже отмечалось, феномен авторитета в науке фиксируется большинством исследователей. Не вызывает сомнения, что авторитет - явление социальное. В то же время в эмпирической социологии науки, направленной на изучение научного коллектива, группы и т. д., понятие авторитет почти не используется. Речь в этой дисциплине по преимуществу идет о лидере, а лидер и авторитет понятия далеко не тождественные. Эмпирическая социология науки не может фиксировать явление авторитета потому, что абстрагируется от содержания научной деятельности, от исторической обусловленности процесса познания и от многого другого. Это иногда дает основания для утверждений типа: «Что сообщество австралийских аборигенов, что научное сообщество - с точки зрения социологии никакой разницы нет» [11, с. 130]. Следовательно, для того чтобы выявить сущность науки, необходимо подходить к ее изучению как к целому, как к сложной открытой системе.

Проблему авторитета затрагивают многие научные дисциплины, так или иначе связанные с изучением человеческой социальности, но нормы и идеалы современного научного познания, предписывающие им иметь четко репрезентированный объект исследования, также не позволяют в этих науках поставить проблему авторитета в наиболее общем виде и абстрагироваться от многих несущественных моментов.

Наиболее часто проблема авторитета исследуется в социальной психологии. Но так как объектом

исследования социальной психологии выступает реальная эмпирическая группа, локализованная в определенном времени и пространстве ее бытия, то проблема авторитета в социальной психологии часто отождествляется с проблемой лидера, а если речь и заходит об авторитете, то чаще всего он понимается как отношение между руководителем и подчиненным. В научном познании помимо реально эмпирически представленных коллективов существуют и неявные социальные объединения (например, «незримые колледжи»). Да и в деятельности порой не связанных не только единым пространством, но и единым временем, личностей часто наблюдается влияние одних и тех же авторитетов. Исследуя реальные научные коллективы, социальные психологи очень часто не отделяют существующие в них моральные, педагогические и другие авторитеты от собственно научного авторитета. Но если первые отражают лишь специфику существования определенных научных коллективов, то научный авторитет связан с сущностью всего научного познания.

В психологии авторитет рассматривают обычно в двух противоположных направлениях: либо в направлении расширения действий психических механизмов или детерминант до области социального, либо в направлении обоснования отдельных явлений психической деятельности социальным феноменом авторитета. Если второе направление, как правило, ничего не дает в понимании сущности авторитета (так как заимствует его из социологии), то первое направление часто чревато утратой историчности, культурной обусловленности и потерей специфики научного авторитета.

Подобный анализ можно продолжать и в отношении других частнонаучных дисциплин, таких, как история науки, социология, лингвистика и т. д., но везде мы столкнемся либо с предметной ограниченностью исследований, либо с утратой специфики научного авторитета.

В истории познания попытки исследовать мир как единое целое принадлежат философии. Казалось бы именно философия науки и должна дать целостное представление о науке. Но обращаясь к этой философской дисциплине, мы видим множество порой противоположных концепций науки, существующих как одновременно, так и в исторической последовательности. Главной причиной множественности толкований науки в философии является не только различие в понимании предмета (хотя в наиболее общем виде для большинства исследователей не вызывает сомнения, что предмет философии науки - это общие закономерности и тенденции научного познания) и сущности этой дисциплины, но и то, что наука как целостный мир не дана нам непосредственно, эмпирически. Поэтому большинство философов вынуждены апри-

орно давать определение науки, до ее исследования. Или, другими словами, скрытно постулировать в понятии науки ее сущность, которая затем развивается в философской теории.

Такое положение дел нередко оборачивается не только различными описаниями научной деятельности, но зачастую даже диаметрально противоположными оценками одной и той же философской теории науки. Так, А.Л. Никифоров считает, что Томас Кун, введя понятие «научное сообщество», ввел субъекта научной деятельности, и это сыграло фатальную роль для философии науки. С понятием субъекта научной деятельности в философию науки вошли историзм, психологизм и социологизм. «Традиционно научное знание рассматривалось как абсолютно лишенное элементов субъективности, т. е. личностных особенностей ученого, общества, эпохи» [11, с. 129]. Поэтому, с точки зрения А.Л. Никифорова, философия науки лишилась своего предмета, и ее с успехом может заменить история науки, психология научного творчества и социология науки. Совершенно иную оценку концепции науки Т. Куна дает М.А. Розов: «Не трудно видеть, что концепция Куна знаменует уже совсем иное видение науки по сравнению с нормативным подходом Венского кружка или К.Поппера. В центре внимания последних - ученый, принимающий решения и выступающий как определяющая и движущая сила в развитии науки. Наука здесь фактически рассматривается как продукт человеческой деятельности. Поэтому крайне важно ответить на вопрос: какими критериями должен руководствоваться ученый, к чему он должен стремиться? В модели Куна происходит полная смена ролей: здесь уже наука в лице парадигмы диктует ученому свою волю, выступая как некая безликая сила, а ученый - это всего лишь выразитель требований своего времени. Кун вскрывает и природу науки как надличностного явления: речь идет о традиции» [8, с. 73].

Как это ни парадоксально, оба процитированных автора относительно правы. Прав А.Л. Никифоров, утверждая, что Т. Кун вводит субъекта, но субъекта социально-исторического. Прав и М.А. Розов, утверждая, что Т. Кун устраняет из науки субъекта, но субъекта трансцендентального. Более того, несмотря на видимую противоположность, их роднит неприятие перед введением в концепцию науки субъекта как личности в ее биологической, социальной и духовной целостности. Но именно для целостного рассмотрения науки как особого мира необходимо к социально-историческому субъекту добавить субъект-личность, субъект-индивидуальность. Это должно позволить синтезировать дискретивный и нормативный подходы к исследованию науки, органически соединить веру и разум в постклассической научной рациональности, ответить на многие трудноразрешимые проблемы философии науки, сделать философию нау-

ки не просто логикой, методологией или социально-философским учением, а именно философией.

Хотя подход М.А. Розова к изучению науки как традиции гораздо шире, чем подход, основанный только на методологии и логике, М.А. Розов, тем не менее, не может дать полный ответ на вопрос о происхождении традиции; вопрос о возникновении принципиально нового, противоречащего парадигме знания он вынужден трактовать только как результат пересечения традиций и т. д. Исследуя науку как традицию, а это один из видов авторитета, автор не обращает внимания на другие виды авторитета именно потому, что в его понимании науки отсутствует субъект-личность, субъект-индивидуальность.

Таким образом, обращение к проблеме авторитета в рамках философии науки позволяет не только акцентировать внимание на моментах социальной детерминации научного познания, на влиянии на научную деятельность багажа прошлого опыта и знаний, на межличностных связях и т. д., но и позволяет конструировать философию науки в качестве наиболее общей теории научного познания и научной деятельности.

Проблема авторитета имеет и большое практическое значение. Если еще в XIX в. научные исследования строились как деятельность отдельных индивидов, которые самостоятельно выбирали проблемы исследований и, в основном, средства к существованию получали за счет преподавательской деятельности, то в XX в. научная деятельность все больше напоминает хорошо организованное производство, где многие работают на одну определенную цель. В этой связи все более и более значительную роль приобретают проблемы организации коллективных научных исследований, когда большое количество людей работает над одной крупномасштабной проблемой. «Кто должен руководить работой такого коллектива - ученый или

администратор? - задавал вопрос П.Л. Капица и продолжал. - Профессор Бернал в своем выступлении сказал, что администраторы здесь играют решающую роль и они необходимы для организации работы над крупнейшими научными проблемами. Я не согласен с профессором Берналом - не в том, что такие организаторы для коллективной работы необходимы, - это правильно, но, по-моему, ими должны быть сами ученые» [12, с. 109]. И Капица полагал, что одна из задач будущего науки - воспитание нового типа ученого, а именно ученого-организатора [12, с. 110]. Поэтому решение проблемы становления именно научного авторитета имеет большое значение для практики коллективной организации научных исследований. Ведь даже в настоящее, трудное для отечественной науки время, когда государство не может выделять и половину необходимых средств для поддержания науки, не снимается проблема управления наукой. Так, С.И. Яковленко (д. физ.-мат. н., зав. отделом Института общей физики РАН) на одном из «круглых столов» говорил: «Даже нынешнее правительство, которое я вместе со многими считаю недалеким и неразумным, является менее опасным и для науки, и для ученого-исследователя, чем та околонуучная номенклатура, которая паразитирует на науке. ... Для этой околонуучной номенклатуры не хватит никаких денег» [13, с. 27].

Помимо теоретической ценности для философии науки и практической значимости для вопросов управления научной деятельностью, постановка проблемы авторитета имеет еще и методологическое значение для отдельных научных дисциплин, изучающих феномен авторитета и близкие по содержанию явления. Это методологическое значение проявляется в возможности взглянуть на проблему с более широкой, философской позиции, лишенной узкодисциплинарных рамок.

Литература

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинение в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд.. Т. 2. Сост., общ. ред. и вступ. статья А.А. Субботина. М.: Мысль, 1978. С. 5 - 214.
2. *Histoire generale des sciences*. V.2. E. Bauer, Y. Belaval, G. Ganquilhaen e.a. La science moderne (de 1450 a 1800). 2-me ed. refondue et augmentee. Paris: Presses Universitaires de France, 1969. 873 p.
3. Гегель. Феноменология духа // Гегель. Сочинения. Т. 4. Ч. 1. М.: Соцэкгиз, 1959. 440 с.
4. Антонов А.Н. Противоречие современной науки и положение ученого // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 74 - 80.
5. Воробьев А.В. Роль авторитета в научном коллективе. Дисс. ... к. ф. н. Томск, 1973; Киселев Ю. В. Роль авторитета в общественной жизни: Автореф. дисс. ... к. ф. н. Л.: ЛГУ, 1966; Комаров В. Д. Проблема авторитета и становление коммунистического общественного самоуправления: Автореф. дисс. ... к. ф. н. Л.: ЛГУ, 1967; Посохов П.П. Социальная сущность и политическое значение проблемы авторитета: Автореф. дисс. ... к. ф. н. М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1961; Ткачев Э.М. Проблема авторитета в социологии и социальной психологии: Автореф. дисс. ... к. ф. н. М.: МГУ, 1971. 16 с.
6. Грехем Л. П. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
7. Наука и технология: Социально-философские проблемы. Сб. Красноярск, 1992.
8. Степин В.С., Горохов Г.В., Розов М.А. Философия науки и техники. Уч. пос. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
9. Дмитриенко В.А. Методологические проблемы науковедения. Томск: ТГУ, 1977.
10. Вертгеймер М. О гештальттеории // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
11. Никифоров А.Л. Философия науки: История и методология (учебное пособие). М., 1988.
12. Наука о науке. Сб. ст./ Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. 423 с.
13. Наука в России: состояние, трудности, перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 3 - 25.